
DOI: 10.31696/2618-7302-2024-3-137-143

**ВОСПОМИНАНИЯ ОБ ОТДЕЛЕ ЛИТЕРАТУР ИНСТИТУТА
ВОСТОКОВЕДЕНИЯ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
(ПАМЯТИ Е. Я. КАЛИННИКОВОЙ)**

С. В. Прожогина¹

Эссе об истории Отдела литератур ИВ РАН, о судьбе отечественной школы филологии Востока и о замечательном индологе-литературоведе Елене Яковлевне Калининковой.

Для цитирования: Прожогина С. В. Воспоминания об отделе литератур Института востоковедения Российской академии наук (памяти Е. Я. Калининковой). *Вестник Института востоковедения РАН*. 2024. № 3. С. 137–143. DOI: 10.31696/2618-7302-2024-3-137-143

**REMINISCING DEPARTMENT OF LITERATURES,
INSTITUTE OF ORIENTAL STUDIES, RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES,
IN MEMORIAM OF E. YA. KALINNINKOVA**

Svetlana V. Projogina

Essay on the history of the Department of Literatures of the IOS RAS, on the fate of the Russian school of Oriental philology and on the remarkable Indologist and literary scholar Elena Yakovlevna Kalinnikova.

For citation: Projogina S. V. Reminiscing Department of Literatures, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, in Memoriam of E.Ya. Kalinninkova. *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN*. 2024. No. 3. Pp. 137–143. DOI: 10.31696/2618-7302-2024-3-137-143

В августе 2024 г. этому замечательному человеку и ученому исполнилось бы 95 лет. Но вот уже десятилетие как ее нет с нами. А с ее светлым образом связана целая эпоха в развитии филологического знания в ИВ РАН.

Она была индологом, знала несколько восточных языков, жила и работала во многих странах, но научную судьбу свою связала с изучением англоязычной литературы Индии. Список ее трудов, быть может, и не столь велик, но весьма значим для отечественного литературоведения как показатель возможностей расширения горизонтов востоковедческих дисциплин, связанного с глубоким пониманием того, что взаимодействие различных цивилизаций не только необходимо, но и реально существует. Даже в известном смысле благодаря и одновременно вопреки эпохе колониализма.

---

¹ Прожогина Светлана Викторовна, доктор филологических наук, главный научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; svetlana.projogina@mail.ru
Svetlana V. Projogina, D.Sc. (Philology), Principal Researcher, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow; svetlana.projogina@mail.ru
ORCID: 0000-0001-8276-0289

Е. Я. Калинникова

Руководителям (и создателю И. С. Брагинскому) Отдела литератур стран Азии и Северной Африки — так назывался отдел долгое время² — в целом это было давно понятно, и в мое время, когда я пришла на работу в ИВ РАН (1976), будущий академик Е. П. Чельшев, сам индолог по образованию, это осознал. Всю свою творческую жизнь он продолжал расширять горизонты изучения различного рода цивилизационных взаимодействий вплоть до конца 90-х — начала 2000-х гг. Сам он начал с небольшого труда о поэзии на языке хинди, а завершал свои исследования о значимости русской литературы для мировой, о необходимости рассмотрения творчества тех русских писателей, которые жили в эмиграции, в едином составе наследия великой русской литературы. И прекрасно понимал, как Иосиф Самойлович Брагинский, уже в 60-е гг. необходимость изучения восточных литератур, написанных на языках европейских в системе литератур национальных, включая в нее творчество писателей, живших после получения их странами независимости по разным причинам в диаспоральном, транснациональном пространстве. А это уже непосредственно касалось изучаемых и мною франкоязычных магрибин-

цев, да и многих индийских писателей, живущих по тем или иным причинам на Западе³.

Сейчас, увы, многое меняется в понимании значимости объемного литературоведческого знания и порой смещаются акценты в удивительно крайнем — почти радикальном — призыве некоторых, особо арабистов, к изучению, к примеру, творчества только тех, «кто в арабских странах пишет только по-арабски»... Впрочем, и в ту далекую эпоху в нашем отделе позволяли себе такие «полярности», рьяно настроенные на «идеологическую борьбу», и другие востоковеды, особо почему-то тюркологи, отрицавшие *всякого рода новации* в традициях литератур Востока. Вообще, объективные исследования творчества некоторых восточных писателей группой востоковедов упорно отрицались⁴, что случилось и с последней работой об индийском писателе Салмане Рушди, написанной Е. Я. Калинниковой. Отрицались эти исследования именно потому, что чаще всего изучаемые писатели были критически настроены по отношению ко многим переменам, происходившим в социальных отношениях уже независимых обществ и существовавшим в них радикальным традициям в сфере некоторых конфессий. Салман Рушди, написавший свою книгу «Сатанинские стихи» и резко критиковавший некоторые особенности проявлений исламизма, позднее

² Необходимо отметить, что в созданном И. С. Брагинским (1905–1989) отделе сосуществовали собственно Отдел литератур народов Азии и Африки и то, что сейчас называется Отделом памятников письменности народов Востока.

³ Увы, сын И. С. Брагинского — В. И. Брагинский — малаист, этого не понимал, но и отрицал вообще диаспоральное существование любых народов, кроме еврейского... В дальнейшем он переселился в Англию.

⁴ Разве можно забыть, как подверглась запрету книга о пролетарской поэзии в Японии, написанная В. Логуновой, или как беспощадно критиковалось исследование творчества литераторов Индии на языке маратхи В. Ламшукова, или неприятие в целом работы З. Н. Петруничевой о литературе на языке телугу? А ведь зачастую так называемые оценки всех этих бесценных сейчас работ давали либо представители арабистики, либо бессмысленно претендующий на пост руководителя Отдела так называемый африканист (суахилист), случайно оказавшийся в Отделе и в конце концов уволенный из ИВ РАН, я уж не говорю о жестокой внутренней борьбе тюркологов, закончившейся драматическим уходом из жизни таких специалистов, как Н. Айзенштейн и Л. Османова...

сам пострадал от рук террористов, будучи (хоть и скандальным) всемирно известным писателем, получившим Нобелевскую премию и много других разных титулов и званий... Но работа Калининковой Е. Я. о нем была сочтена трудом недостойным и не рекомендованным к изданию под грифом ИВ РАН... Я все это пишу не для того, чтобы вспомнить печальные факты из прошлого, постепенно уже на моих глазах «угасавшего» отдела. Когда я в 1994 г. ушла из него вслед за многими другими, в отделе оставалось не больше полутора десятков человек из ранее числившихся в нем более шестидесяти...

Я это пишу для того, чтобы еще раз подчеркнуть и «узаконить» присутствие в Отделе литератур (даже в общей тогдашней многочисленности коллег — и китаистов, и японистов, и арабистов, и монголоведов, и тибетологов, и цейлонистов и др. специалистов — литературоведов по странам Юго-Восточной Азии) исследователей, занимавшихся различными проблемами восточных литератур, написанных на языке английском или французском (вспомним, что в ИМЛИ параллельно с нами шло с конца 60-х до середины 90-х активное исследование и испано-, и португалоязычных литератур Африки). Их наследие и творческие усилия сегодня особенно очевидны и не пропали даром.

Я имею в виду также и многие бесценные работы и тех арабистов, кто изучал сиро-ливанскую школу (на английском языке), или литературу Ливана на французском, или тех индологов (в мою эпоху их было около двух десятков!), некоторые из которых, в том числе и Е. Я. Калининкова, владевшая хинди и урду, изучали литературу Индии именно на английском: Н. Гаврюшина, С. Эминова, Н. Колесникова и некоторые другие занимались творчеством известных в Индии художников слова, писавших на языке бывшей своей метрополии. И эти исследователи оставили не просто свидетельства эволюции мирового литературного процесса в целом, но и глубокое знание культуры, истории, социологии, политики, этноконфессиональных отношений в изучаемом регионе, что абсолютно не мешало, а только приумножало творчество тех, кто изучал литературу Индии на всех ее многочисленных языках — от санскрита до тамили и телугу, включая и такие языки, как маратхи, непали, урду, хинди... Особо вспоминаю В. Семенцова, В. Волкова, А. Сухачева, В. Ламшукова, З. Петрунчеву и других. В отделе тогда было и много аспирантов — всех уже не упомянуть. Но имя Е. Я. Калининковой связано для меня не только с ее научным творчеством, но и с тем, что она была примером умения преодолевать «бездну противоречий», порой возникавшую в многообразной научной среде, и примером *претерпевания*⁵ порой незаслуженных и резких критических оценок тех, кто не терпел никогда ни авторского «стиля» (кроме своего собственного), ни нескольких других методов исследования художественных текстов, нежели кем-то навязанные когда-то и ставшие почти схематическими, а порой и неадекватными «каноны академического изучения», по большей части основанные, как это водится, на другом историко-литературном материале...

Е. Я. Калининкова была еще и примером бесконечной, бескрайней щедрости, душевной доброты и теплоты и того умения сопрягать свое беззаветное служение в научном учреждении (а я это видела на протяжении 30 лет) с семейными заботами и проблемами. Жизнь щедро одарила ее талантливым супругом и детьми, а с ними — и огромным племенем внуков и правнуков. Она ими всеми гордилась — и была права: они и сегодня — поэты, исследователи, культурологи, переводчики, преподаватели или просто творческие люди, многим обязанные своей маме, бабушке и прабабушке. Ее сын и дочь (Сергей и Ольга) прислали мне недавно факты из биографии Е. Я. Калининковой,

⁵ Как-то она прислала мне записку во время одного из бурных заседаний нашего отдела, когда я в очередной раз возмущалась нелепостью оценок тюркологами и некоторыми арабистами творчества североафриканцев из стран Магриба, писавших на французском языке, которых обзывали, не стесняясь места и времени, даже «врагами» своего народа. В этой записке — стих М. Лохвицкой, поэтессы «Серебряного века»: «Умей терпеть, умей страдать, умей молчать...»

Я только на похоронах Е. Я. Калининковой, а ее отпевали в церкви, узнала, что сама она была глубоко верующим человеком и как истинная христианка умела все и всем прощать.

нам почти неизвестные, хотя мы часто бывали — все ее подруги — на хлебосольных застольях у нее дома и отмечали ее и золотую, и бриллиантовую свадьбы. И в этой биографии, знакомой детям, — истоки ее особенного упорства идти до конца, до избывания сил на фоне уже почти угасшего пространства самого отдела, из которого, не выдержав разного рода «противоречий» и самодостаточности, самолюбования нового руководителя многие ушли, уехали и не вернулись, а если вернулись, то не в этот отдел. Созданный И. С. Брагинским и расцветший при Е. П. Челышеве, отдел, если честно сказать, умирал в прямом смысле по разным причинам, в том числе и по причине некоторой переориентации собственно литературоведения на т. н. культурную антропологию, в которой изучались уже не столько художественные тексты, сколько контекст и личности той или иной эпохи.

Но дадим слово детям Е. Я. Калининковой, которые прислали мне следующий текст:

«Это написал папа»⁶:

Вместе с моей супругой Еленой Яковлевной Калининковой мы прожили 62 года; из них 35 лет в доме на Икше, то есть больше половины жизни в нашем бриллиантовом супружестве. Да, с Леной мы справили и золотую, и бриллиантовую свадьбу — 60 лет вместе! Сам себе завидую.

...Познакомился я с Леной Калининковой при поступлении в институт в 1947 г. Окончив вуз, она стала индологом-литературоведом, а я — тюркологом и арабистом. Все эти годы мы сохраняли верность не только друг другу, но и востоковедению.

...Лена не раз печаталась в журнале «Азия и Африка сегодня». Там был опубликован в четырех номерах и ее очерк «Познание Индии». В начале статьи она поместила эпиграф из знакового стихотворения Редьярда Киплинга:

*Кто услышал зов Востока,
Вечно помнит этот зов.*

...Интересно и ярко она рассказала, как русская девочка из интеллигентной семьи с дворянскими корнями из Саратова увлеклась Индией, как приехала поступать в Московский институт востоковедения и как ее не приняли, потому что тогда девочек туда не принимали. Но она не потерялась и пошла отстаивать свои права на прием к депутату Верховного Совета СССР от Саратова — академику Б. Д. Грекову, известному историку. Он принял юную поборницу справедливости и подивился ее настойчивости. В результате Лена добилась того, чтобы ее, золотую медалистку, приняли в Институт востоковедения на индологическое отделение (а там работали те, кто вдохновенно читали лекции при переполненных аудиториях, и нередко их выступления заканчивались аплодисментами).

Нашими с Леной сокурсниками были писатели Анатолий Алексин и Юлиан Семенов, будущие профессора Александр Медовой, Георгий Мирский, Александр Пятигорский, Евгений Примаков и другие востоковеды, ставшие потом известными журналистами, учеными, крупными государственными деятелями.

Лена была необыкновенно красивой в молодости, но и в преклонные годы оставалась хороша собой. В юности легко быть красивой, а красоту в старости надо заслужить. Лена светила внутренней красотой, и ее духовная красота преобразовывалась в красоту внешнюю. И в этом, наверное, суть по-настоящему красивого человека.

За нашу долгую совместную жизнь Лена лишь два раза меняла свою девичью фамилию на мою — при наших совместных заграничных командировках. Лена всегда относилась к своей фамилии — Калининкова — очень трепетно, ведь по линии отца, заслуженного хирурга, который спас

⁶ Л. И. Медведко — востоковед, доктор исторических наук, академик РАЕН, долго служивший и в ИВ РАН.

тысячи жизней в войну и не меньше — в мирное время, она приходилась родственницей известному композитору Василию Сергеевичу Калинникову. По линии матери она происходила из дворянской семьи, была племянницей талантливого русско-немецкого художника Николая Загрекова, выпускника Вхутемаса, ученика Петра Кончаловского и Ильи Машкова.

Так уж получилось, что после революции Николай Загреков уехал учиться в Берлин и там остался. Он прожил в эмиграции в Германии более 70 лет. До 1936 года он поддерживал переписку с сестрой из Саратова, но когда в годы репрессий посадили их брата, Николай, опасаясь за жизнь близких в СССР, прекратил с ними переписку.

Вернулся художник в Россию уже после смерти в 2004 году — выставками в лучших музеях страны: в Третьяковской галерее в Москве и в Русском музее в Санкт-Петербурге. Елена Яковлевна с радостью и гордостью открывала выставку «Николай Загреков. Возвращение в Россию». Таким образом семья, разлученная ураганом событий XX в., воссоединилась в XXI в. с помощью культурного наследия, возвращенного на родину.

Лена служила востоковедению так же преданно, как и своей семье. Как профессиональному индологу после окончания института ей было, конечно же, обидно вместе со мной оказаться в командировке в Турции, на берегах Босфора, а не в Индии на берегах Ганга. Но и в Турции в новой для нее обстановке и к тому же матерью двоих детей она не растерялась. Лена быстро освоилась и за короткое время успела стать еще и культурологом, и переводчиком.

В своих воспоминаниях о нашей жизни в Турции Лена умолчала, как нас обоих потрясла услышанная 5 марта 1953 г. по радио из Москвы весть о смерти Сталина. Лена, прижавшись ко мне, испуганно спросила: «Как же мы теперь будем жить?» Но у меня не было никаких сожалений, и я ее успокоил: «Хуже не будет, у нас жизнь теперь только начинается».

Мы с Леной в нашем посольстве в Анкаре, а потом и в Стамбуле были самой молодой парой. К тому же я оказался еще и единственным из мужчин беспартийным. Поэтому мне было поручено возглавить местную комсомольскую организацию, состоявшую из одних женщин.

На первом дипломатическом приеме после нашего приезда в Турцию для меня стало открытием, что Лена уверенно проявила себя как полиглот. На том приеме она познакомилась с супружеской парой из Индии. Воспользовавшись удобным случаем, заговорила с ними на государственном языке Индии — хинди, чему советник индийского посольства очень удивился. Еще большее удивление у него вызвало, что, кроме хинди, она знает государственный язык Пакистана — урду. Советник признался, что сам он ни урду, ни хинди не знает и предпочитает говорить по-английски. После этого их разговор происходил на английском. Индус-англофил стал доказывать нам важность распространения английского языка для многоязыкой Индии. Английский там стал языком общения между разными штатами и языком государственного законодательства. Упомянул он также, что многие индийские писатели тоже пишут на английском. И благодаря английскому их творчество становится культурным достоянием всего мира. Тот разговор и надоумил Лену заняться именно творчеством англоязычных писателей в Индии. Но в Турции не было интересующих ее книг, поэтому Лена стала ходить в библиотеки английского и американского Культурных центров в Анкаре. Эта встреча и определила дальнейшее направление ее научной деятельности.

В 60-х годах у меня была длительная командировка на Ближний Восток, и это были годы странствий, открытий других культур, встреч с интересными людьми. Позже Лена написала несколько статей о жизни и быте народов Сирии, Иордании, Ливана, которые были опубликованы в разных журналах и газетах.

Возвратившись в Институт востоковедения в начале 1960-х гг., после защиты кандидатской диссертации по теме «Творчество Разипурама Кришнасвами Нарайана» в 1968 г., Елена

Калинникова положила начало целому научному направлению — изучению в России современной англоязычной литературы Индии. Ее книга, посвященная этой тематике, была встречена очень благожелательно, в том числе и иностранными экспертами. Через некоторое время книгу перевели на английский язык и издали в самой Индии. Это — высшее признание, которого может в наши дни удостоиться настоящий индолог-профессионал. Поверьте, добиться этого очень нелегко. Широко известными среди востоковедов в России и за рубежом стали ее книги об индийских писателях: «Сароджини Найду», «Мулк Радж Ананд» и др.

Леночку все любили, потому что она была исключительно отзывчива и искренна. Может быть, она иногда была на удивление наивна, но всегда честна, даже во вред себе, совершая поступки невиданной гражданской смелости в середине 60-х гг. Когда в 1968 г. советские танки вошли в Прагу, она оказалась одной из горстки честных востоковедов, которые подписали протестное письмо. В то время это был поступок невиданной гражданской смелости. Но Лена всегда, с юности боролась за справедливость. Это к вопросу о правде, правоте и гражданственности.

Последняя работа Елены Калинниковой — «Феномен Салмана Рушди» — стала первой книгой в России, которая рассказала читателям о всемирно известном англоязычном индийском писателе, снискавшем «скандальную» известность после выхода в свет его романа «Сатанинские стихи». Тютчевские слова «Нам не дано предугадать, Как слово наше отзовется» предпосланы были эпиграфом к этой книге, которая в переводе на арабский вышла в 2017 г. в Каире. В дальнейшем Салман Рушди — автор более 20 книг — стал лауреатом многих литературных премий, а позже получил от королевы Великобритании рыцарский титул — «За достижения в области литературы». Книга Лены имела большой успех везде — ведь она была первым ученым в России, которая отважилась написать не статью, а целое научное исследование о талантливом писателе, которого критики называли «гением и индийским Достоевским» ...

Прожитые нами 60 лет совместной жизни можно назвать по-настоящему *золотым* веком. Правда, обручальными золотыми кольцами мы обменялись только после возвращения из заграничных командировок — на нашей серебряной свадьбе. Могу честно сказать уже после отмеченных нами «золотой», а потом и «бриллиантовой» свадеб: Лена была золотой женой, примерной матерью и любящей бабушкой нашим внукам и правнукам. А для меня на протяжении всей жизни она была самым надежным другом и любимой женой. Жаль, что по-настоящему понимание этого приходит только с утратой близкого человека...

Невольно задаюсь теперь вопросом: что остается после жизни человека, в чем он продолжает жить? Прежде всего, в своих детях и внуках, потом — в своем деле, творчестве и книгах и в той светлой памяти по себе, которую он оставил в близких и друзьях.

Человек умирает трижды — первый раз физически, второй — когда о нем забывают близкие и друзья, и третий — когда умирает его дело. Слава Богу, наша Лена будет продолжать жить во всех этих ипостасях и после смерти.

Нам с Леной посчастливилось пожить и, не знаю, в более ли счастливом — XXI в...

Лены не стало 16 ноября 2014 г. Все принятые в народе поминальные дни прошли как в дыму... Ушла, как называли ее дети и домашние, Лелечка, тихо. Наверное, она не хотела даже знать о причине подстерегавшего ее проклятого рака.

Один из ведущих онкологов Москвы, посетивший наш дом, поведал, что только в редких случаях (один из ста!) при подобных заболеваниях больные уходят без боли. Как выразился доктор, такой уход еще *надо заслужить*. Его удостаиваются только очень добрые люди, жившие в первую очередь не для себя, а для других. Такой и была в нашем представлении семейная богиня в четырех ипостасях — жены, матери, бабушки и востоковеда.

На поминках дочь Ольга сказала: «Люди, подобные маме, приходят к нам, чтобы мы не совсем отчаялись и верили, что Красота и Доброта все-таки спасут мир. Она была камертоном нравственности, честности и порядочности и своей кроткой улыбкой побеждала зло во многих его проявлениях». А внучка Лелечки — Наташа — добавила: «Чтобы быть *такой* доброй в наше время, надо быть *очень* сильной».

Мой P. S.

Что можно добавить к образу этой красавицы и умницы, замечательного человека, матери, подруги, из тех, кто приходит всегда вовремя на помощь, и ученого, создавшего немало для **основ системного исследования** и сегодняшней литературы многонациональной, поликультурной, поликонфессиональной Индии? Только упомянуть список ее замечательных трудов, не считая многочисленных публикаций в журналах и коллективных монографиях: «**Англоязычная литература Индии**» (М.: Наука, 1974); «**Разипурам Кришнасвами Нарайан**» (М.: Восточная литература, 1981); «**Мулк Радж Ананд**» (М.: Восточная литература, 1986); «**Феномен Салмана Рушди**» (М.: Русский Двор, 2009). Это была первая книга в России, которая, как было сказано выше, рассказывала о тогда уже всемирно известном англоязычным писателе и его творчестве, снискавшем славу еще в 1988 г., после выхода в свет его романа «Сатанинские стихи». Сегодня он — автор многих произведений. Е. Я. Калининкова написала свое исследование иронично, живым языком, затрагивая наболевшие проблемы и Востока, и Запада, и я надеюсь, что искры того пламени, которые горят в ее трудах, разгорятся и для современных востоковедов-индологов, в среде литературоведов заметно поуменившихся в последнее время.

Ведь, как сказано мудрецами, «Традиция не пепел, а факел». И пусть светит и сегодня имя этой замечательной женщины, ученого — Е. Я. Калининковой, преодолевшей все, даже нелепость неожиданного для всех, постигшего ее несчастья — запрета на выход ее последнего труда под грифом ИВ РАН, Института, которому она отдала так много лет и сил своей жизни.